

Ему тридцать шесть лет. Невысокого роста, стройный, с обаятельной улыбкой. Когда молодой чилиец был студентом ВГИКа, на его родине произошел фашистский переворот. Его дипломная работа «Три Пабло» — о поэте Неруде, художнике Пикассо и музыканте Казальсе — получила первую премию на фестивале студенческих фильмов, а до этого курсовая работа «Первая странница» — Гран при в Тампере, «Приз прессы» в Оберхаузене и диплом I степени в Лондоне. Эти ленты закрыли перед молодым чилийцем дорогу на родину.

Зрителям широко известны снятые С. Аларконом в нашей стране художественные фильмы «Ночь над Чили», «Санта Эсперанса», «Падение кондора». Только что закончена режиссером новая картина — «Выгрыш одинокого коммерсанта».

Наша встреча с Аларконом состоялась в небольшой уютной квартире режиссера. В комнату, где мы беседовали, постоянно заходил его пятнадцатилетний сын Денис, каждый раз находивший «очень серьезный» повод для того, чтобы зайти. Мы с Аларконом переглядывались и улыбались этим хитростям малыша.

— Себастьян, сначала немного о себе, о том, что было до ВГИКа.

— Город-порт, в котором я родился. Вальпарайсо. — говорит Себастьян. — один из красивейших в Чили. Он стоит на холмах и как бы карабкается по их склонам. А дома, словно бы по взмаху руки какого-то волшебника, зависли над заливом...

Я родился в семье морского офицера. Как все ребята, ходил в лицей. В 13 лет ушел из дому, приехал в Сантьяго, снял комнату и стал работать. Через год продолжил учебу и в 17 лет окончил лицей. Поступил в киношколу при университете. Была она очень бедная, практически не имевшая никакой материальной базы. Учился также на архитектурном факультете, тянуло к строгим формам.

— Не эта ли тяга определила потом ваш интерес к кинодокументалистике?

— Если откровенно, как-то не думал об этом. Из киношколы я ушел: трудно было учиться. Это было еще до образования правительства Народного единства. Мой лицейский преподаватель посоветовал поехать учиться в Москву. Подал документы в институт чилийско-советской дружбы, там сказали: «Хорошо, поезжай, но возвращаясь инженером». «Как?! — взмолился я. — Да я ничего не смыслю в технике, математике...». Решил: поеду, а там доберусь до киноинститута. Приехал.

В нашем посольстве мне помогли, написали рекомендательное письмо, с которым

я и пришел во Всесоюзный государственный институт кинематографии.

— А почему именно кино, а не живопись, архитектура, которыми вы до того увлекались?

— Виновата... мама, которая очень оберегала меня от влияния улицы и потому не пускала в кино. Помню, ребята нашего квартала много раз смотрели «Тарзана», а потом сами разыгрывали этот сюжет. А меня «берегли». Появился комплекс, страстное желание смотреть кино... Более серьезная причина: понимаете, кино — синтез всех искусств, в нем можно максимально выразить себя как художника.

— Вы заканчивали учебу как кинодокументалист, а снимаете художественные фильмы...

— Да, так получилось. Я думал, что после ВГИКа буду снимать на родине все важнейшие моменты в ее жизни, раскрывать величие происходящих событий. После победы Народного единства мне, полагаю, работы хватало бы. Но произошел переворот, к власти пришли фашисты. На родину я вернуться не могу. Конечно, оставшись в Советском Союзе, я мог бы снимать фильмы об интересных событиях, они происходят у вас чуть ли не каждый день. Очень бы хотелось, например, снять ленту о нефтяниках Каспия, Сибири, о молодых парнях и девушках — строителях БАМа. И, наверное, если бы после учебы мог вернуться в Чили, то в память о вашей стране и ее людях я снял бы и увез на родину такой фильм. Но над Чили опустилась ночь, и я ни о чем другом думать не могу. Снимать документальные фильмы на месте нет возможности. Так возникла мысль на основе известных фактов, документов снять художественный сюжет.

— Как документалист вы испытали какие-либо трудности в работе над игровым фильмом?

— Напротив, учеба с ориентацией на документалистику помогала в работе над игровым сюжетом. В частности, при монтаже ленты я использую законы монтажа документального кино. Мне кажется, это делает фильм более динамичным, более экспрессивным.

— А кто из наших мастеров оказал на вас влияние?

— Я бы сказал иначе: кто

помог мне стать режиссером? Ну, конечно же, мой педагог Леонид Михайлович Кристи. Давая полную свободу моим замыслам, он в то же время учил меня критически относиться к себе, помогал точно отбирать главное, над чем следовало работать... Огромную роль в моей жизни сыграл Роман Лазаревич Кармен. Он практически сделал из меня режиссера. «Ночь над Чили» я снимал под его постоянным и внимательным руководством. Он был великодушным знатоком Чили, ее культуры, традиций. О таком наставнике — мне нравится это русское слово — можно только мечтать... На меня сильно влияние оказало и продолжает оказывать творчество Михаила Ильича Ромма. Видел почти все его фильмы, много раз мне довелось смотреть «Обыкновенный фашизм».

— Теперь о вашем фильме «Выгрыш одинокого коммерсанта». До него вы снимали ленты открыто публицистические. «Выгрыш одинокого коммерсанта» решен по-другому. Значит ли явление такого фильма, что в вашем творчестве окончился один этап и начался другой? Если да, то с чем это связано?

— Ну, во-первых, это действительно переход к иному этапу — и по замыслу, и по воплощению его. Я снял три острополитических и, верно заметили, открыто декларирующих фильма, где попытался взглянуть на политическую обстановку в Чили и осмыслить ее с трех точек. Если вы обратили внимание, то в первом моем фильме — «Ночь над Чили» — в соприкосновение с фашизмом входит положительный герой.

Во втором своем фильме героя выбрал я отрицательного, другую, так сказать, крайность. В третьем фильме я собрал разных, абсолютно разных персонажей и снова ввел их в соприкосновение с фашизмом. И вновь попытаться осмыслить, что в результате. Таким образом, я как бы закончил цикл — трилогию о том, что и кому несет фашизм. Этим циклом закончился определенный этап моих поисков, раздумий на конкретную тему.

— И вот теперь — другой этап. И снова поиск. Почему? Людям вашей страны и других социалистических стран близки и понятны мои проблемы, моя боль. Но мне показалось, что три эти ленты не имели нужного отклика на Западе, то есть запад-

ный зритель не проникся болью фильма.

— Вы это как-то объясняете?

— Надо учитывать, что западный зритель часто далек от проблем, волнующих латиноамериканца, чилийца в частности. Поэтому, как мне показалось, нужна была картина, где для западного зрителя возникли бы близкие ассоциации, проекция на собственную судьбу. Нужно было выдвигание на первый план общечеловеческих проблем, чтобы пробиться к сердцам как можно большего количества зрителей. Такую попытку я и сделал в своем последнем фильме.

Вообще же, мне кажется, фильмы надо делать больше для тех, кто... дальше от тебя в понимании волнующих тебя важных проблем, кто не может или не хочет тебя понять. Пока не может и пока не хочет. Кино — это, как любое искусство, акция. В моем случае — атака на зрителя. Атака с целью завоевать его сердца и души, заставить — именно заставить! — понять мою боль и сопереживать ей. Активно!

— Что собираетесь делать дальше?

— В фильме «Выгрыш одинокого коммерсанта» я попытался исследовать проблемы обыкновенного, ничем не примечательного латиноамериканца и через его судьбу сделать некий социальный срез, в котором будут видны многие люди, многие судьбы. Сейчас готовлюсь снять фильм о коммунисте, живущем в тех же социально-политических условиях, что и предыдущий герой. И это тоже будет обыкновенный человек и тоже ведущий свою борьбу, но цель этой борьбы иная, задачи необыкновенные, возвышенные, благородные. В той же жизни. Полной опасностей, риска.

Соединенные в единый цикл, мои фильмы, я надеюсь, могут дать социально-политический срез фашизма как высшей и самой антинародной, античеловеческой формы империализма. Сегодня это моя тема в искусстве, смысл моего существования, смысл моей жизни.

И еще на одно обстоятельство мне хочется обратить ваше внимание. Фильм «Выгрыш одинокого коммерсанта» показывает ситуацию, которая как бы предшествует началу народного недовольства, началу борьбы. Фильм о коммунисте — это будет период подъема народных выступлений. То есть я говорю о последовательности моих

поисков. У меня нет проблемы, что делать завтра, послезавтра. Все, что предстоит сделать, все мои картины — это связано и будет связано в будущем с судьбой моего многострадального народа, моей страны, моего континента.

— Себастьян, вы, латиноамериканец, снимаете свои фильмы с советскими актерами. Трудности в работе возникали?

— Что касается моей работы с советскими артистами, то я стремлюсь прежде всего к тому, чтобы у них не возникало ощущения, что они трудятся над чужой им темой. В каждом своем фильме я, кроме того, добиваюсь подробнейшей правды быта. Быт правдив — тогда какие-то огрехи в пластике или, например, в манере общения, свойственной латиноамериканцу и не всегда улавливаемой латиноамериканцем, не замечаются. Мне говорили чилийцы, что, глядя на экран, они забывали, что это не латиноамериканские актеры. Мне легко работать с вашими актерами еще и потому, что я достаточно хорошо знаю русский язык и всегда могу объяснить исполнителю, что мне от него надо.

Есть другие трудности, так сказать, реквизиторские. Никто в съемочной группе, кроме меня, никогда не знал, какой точно нужен или не нужен реквизит. Приходит, например, художник по костюмам, предлагает эскизы — не то. Человек несколько не виновен, он просто никогда не видел, как одеваются люди у меня на родине. Словом, все такие заботы тоже на мне. Что делать? В этом плане мне на последней картине очень помог Александр Адабашьян. Работая в одной из съемочных групп, он пять месяцев был в Колумбии, увидел и узнал там многое из того, что, наверное, не каждый колумбиец замечал. Такой удивительно пронзительный и талантливый человек он оказался.

Прощаясь, говорю Аларкону:

— Судя по всему, игровой кинематограф все более увлекает вас. О своей первой любви, кинодокументалистике не забыли?

— Нет. Я еще сниму документальные фильмы о моей любимой Чили. Но там, на месте. Когда придет свобода. Я верю в этот день. И, как могу, борюсь за него. Это и определяет смысл сегодняшней моей жизни, каждого в ней дня.

Беседу вел
Л. ДНЕПРОВСКИЙ.

СЕБАСТЬЯН АЛАРКОН: Я ТВЕРДО ВЕРЮ В ЭТОТ ДЕНЬ